
THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ
ХЕМНИЦЕРЪ.

1745—1784.

НОВЫЯ О НЕМЪ ИЗВѢСТІЯ ПО РУКОПИСНЫМЪ ИСТОЧНИКАМЪ.

СТАТЬЯ

Академика Я. К. Грота.

Изъ журнала „Русская Старина", т. V, изд. 1872 г.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
Печатня В. И. Головина, Владимірская, №
1872.

A.D.
1907
ДОМАШНЯЯ БИБЛИОТЕКА Г.В.ЮДИНА

THE LIBRARY OF CONGRESS
1800

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ ХЕМНИЦЕРЪ.

1745 — 1784.

Новыя о немъ извѣстія по рукописнымъ источникамъ.

(Читано въ годичномъ собраніи Академіи Наукъ 29 декабря 1871 года).

Исторія нашей литературы XVIII-го столѣтія, несмотря на многіе въ послѣднее время изданные документы и свѣдѣнія, все еще довольно мало извѣстна. Мы недостаточно знакомы особенно съ ея тмной, закулисной стороной, съ тѣмъ бытомъ и сношеніями писателей, гдѣ они являются просто людьми, внѣ своей общественной и литературной дѣятельности. Между тѣмъ, всякій разъ, когда удастся приподнять завѣсу, заслоняющую отъ насъ ихъ вседневную жизнь, за ихъ, такъ сказать, оффиціальною ролью, за ихъ торжественными одами и условными формами ихъ сочиненій мы открываемъ много любопытнаго, много живыхъ подробностей современной дѣйствительности, безъ которыхъ и самые труды ихъ оставались бы для насъ не вполнѣ понятными. Пользуясь находящимися въ нашихъ рукахъ бумагами Хемницера и Львова, я попытаюсь предложить небольшой очеркъ этого рода изъ послѣдней половины прошлаго вѣка.

На горизонтѣ тогдашней литературы имя Хемницера свѣтится довольно ярко. Онъ прожилъ менѣе 40-ка лѣтъ, пріобрѣлъ извѣстность только небольшимъ сборникомъ басенъ, и однако-жъ его право на вниманіе потомства признается безспорнымъ. Недалеко еще то время, когда басни его безпрестанно вновь издавались то въ Петербургѣ, то въ Москвѣ: и дѣйствительно, при всей безыскуственности своей формы и простотѣ построенія, онѣ обличаютъ столько ума, здраваго смысла и знанія свѣта, что невольно располагаютъ читателя въ пользу автора.

Все, что мы до сихъ поръ знали о Хемницерѣ, умершемъ въ 1784 году, основывалось на двухъ краткихъ очеркахъ его біографіи, изъ которыхъ одинъ напечатанъ при первомъ посмертномъ изданіи его басенъ (1799) другомъ его Н. А. Львовымъ, а другой, пополненный немногими лишь свѣдѣніями, въ словарѣ Бантышъ-Каменскаго (1847).

Эти очерки знакомятъ насъ только съ общимъ ходомъ службы Хемницера и съ нѣкоторыми чертами его личности, отличавшейся крайнимъ простодушіемъ и разсѣянностію. Въ недавнее время, изъ рукописей Державина выяснились, болѣе прежняго, близкія отношенія Хемницера къ литературному кружку, въ которомъ рядомъ съ знаменитымъ лирикомъ стояли Львовъ и Капнистъ. Скудость современныхъ біографическихъ извѣстій о нашемъ баснописцѣ происходила, конечно, не отъ недостатка свѣдѣній, какими располагалъ Львовъ, а отъ понятій той эпохи, когда у насъ еще не дорожили точностью фактовъ и подробностями, изъ которыхъ слагается литературная и общественная исторія. Впрочемъ, впослѣдствіи Капнистъ задумалъ-было написать болѣе обстоятельную біографію Хемницера, и для того взялъ у Львова собранные съ этою цѣлію матеріалы; но намѣреніе это осталось неисполненнымъ. Недавно внукъ автора Ябеды, Иванъ Семеновичъ Капнистъ, предоставилъ въ распоряженіе наше подлинныя рукописи Хемницера и нѣкоторыя другія, относящіяся къ нему бумаги. Хотя онѣ, по всей вѣроятности, сохранились не совсѣмъ въ полномъ видѣ и хотя разрѣшаютъ далеко не всѣ вопросы, возникающіе при ближайшемъ знакомствѣ съ этимъ замѣчательнымъ человѣкомъ, тѣмъ не менѣе, онѣ проливаютъ новый свѣтъ на его жизнь и характеръ.

Извѣстно, что отецъ Хемницера выѣхалъ изъ Саксоніи и былъ напослѣдокъ инспекторомъ петербургскаго сухопутнаго госпиталя. Мы узнаемъ теперь, что онъ занималъ передъ тѣмъ должность военнаго штабъ-лекаря. По желанію друзей своего сына, онъ, послѣ смерти его, составилъ на нѣмецкомъ языкѣ біографическую о немъ записку, въ которой особенно драгоцѣнны извѣстія о дѣтствѣ и воспитаніи талантливаго баснописца.

Изъ этой записки прежде всего оказывается, что Хемницеръ родился не въ Петербургѣ и не въ 1744 году, какъ думали до сихъ поръ, а въ Астраханской губерніи, 5 января 1745 года. Мѣсторожденіемъ его была Енотаевская крѣпость (нынѣ уѣздный городъ Енотаевскъ), основанная за три, передъ тѣмъ, года на Волгѣ, въ 140 верстахъ отъ Астрахани. Только-что ребенокъ началъ говорить, мать и отецъ стали знакомить его съ азбукой, и онъ непримѣтно выучился читать и писать. Онъ не любилъ ни лакомствъ, ни игрушекъ, которыя ломалъ и бросалъ. Замѣчая въ немъ большую любознательность при тихомъ, меланхолическомъ нравѣ, отецъ принялся давать ему уроки въ нѣмецкомъ и латинскомъ языкахъ и въ первыхъ правилахъ ариѳметики, а потомъ отдалъ его въ Астрахани къ пастору Нейбауэру, который сознавался, что Хемницеръ, на 6-мъ году попавъ уже въ синтаксическій классъ, опередилъ собственнаго его 9-ти-лѣтняго

сына. Желая съ пользою употребить и остальные свободные часы его, отецъ пріискалъ человѣка, который бы научилъ его читать и писать по-русски, а знакомый инженерный офицеръ кое-какъ преподавалъ ему ариѳметику и геометрію. Вообще въ тѣхъ мѣстахъ еще не было учебныхъ заведеній; мальчикъ по собственной охотѣ читалъ или рисовалъ, а на досугѣ давалъ уроки своимъ двумъ маленькимъ сестрамъ.

Въ 1755 году отецъ рѣшился оставить постылый для него край. Мать съ тремя дѣтьми предприняла далекое путешествіе въ Петербургъ. Сыну шелъ тогда 11-й годъ. Въ дорогѣ разъ, ночью, онъ чуть не пропалъ: въ темнотѣ, отошедши отъ повозки, онъ заблудился-было въ степи; калмыцкій конвой потерялъ его, и насилу ужъ потомъ онъ какъ-то отыскался. По прибытіи въ Петербургъ на другой годъ, отецъ помѣстилъ его къ учителю латинскаго языка при врачебномъ училищѣ, которое возникло при военномъ госпиталѣ, основанномъ Петромъ Великимъ; это было первымъ началомъ учрежденнаго при Екатеринѣ II медико-хирургическаго института. Здѣсь онъ по собственному влеченію сблизился съ самыми дѣльными и прилежными товарищами и узналъ отъ нихъ всю остеологію, такъ что въ подробности могъ описать человѣческій остовъ. Такова была подготовка Хемницера къ медицинскому поприщу, къ которому отецъ назначалъ его. Но къ прискорбію старика случилось, что уже на 13-мъ году отъ роду сынъ, послушавшись какихъ-то постороннихъ людей, вздумалъ искать счастія въ военной службѣ: онъ поступилъ въ солдаты пѣхотнаго нотебургскаго полка. „Можно представить себѣ—говоритъ отецъ—каково было положеніе юноши при такомъ суровомъ образѣ жизни, безъ покровительства и помощи, при большой чувствительности и благородствѣ души. Офицеръ, который сулилъ ему золотыя горы, оказался обманщикомъ и злодѣемъ; но за то (продолжаетъ біографъ) полковникъ, вовсе незнакомый мнѣ человѣкъ, полюбилъ парня, принялъ въ немъ участіе и сталъ его повышать, хотя названный гонитель и тутъ старался вредить ему“. Въ томъ же 1757 году, по случаю Семилѣтней войны, отцу пришлось, въ званіи штабъ-лекаря, отправиться съ арміею въ Пруссію, и онъ совершенно потерялъ сына изъ виду. Наконецъ, находясь въ Эльбингѣ при раненыхъ, онъ узналъ, что нотебургскій полкъ стоитъ въ Кёнигсбергѣ. Тогда онъ написалъ къ полковнику, прося отпустить къ нему молодого Хемницера, который вскорѣ и обрадовалъ отца своимъ пріѣздомъ. „Я долженъ—говоритъ отецъ—искренно похвалить его скромность въ отношеніи къ его гонителю, о поступкахъ котораго я имѣлъ вѣрныя свѣдѣнія отъ офицеровъ. Когда я заводилъ о томъ рѣчь, онъ только отвѣчалъ: „И, батюшка, слава Богу, что я опять съ вами!“ Полковникъ, не могъ нахвалиться имъ!“...

Этими словами, къ сожалѣнію, кончается біографическая записка отца, которая при всемъ своемъ неискусномъ изложеніи дышитъ любовью къ сыну. „Поистинѣ—приписано на поляхъ—я не припомню, чтобы онъ въ дѣтствѣ поведеніемъ своимъ когда-нибудь прогнѣвилъ насъ".

Изъ другой бумаги—аттестата, выданнаго Хемницеру въ 1769 г., видѣнъ ходъ военной службы его. Благодаря доброму расположенію полковника, онъ скоро получилъ офицерскій чинъ, и незадолго до воцаренія Екатерины II, былъ назначенъ въ адъютанты къ генералъ-маіору Остерману, а потомъ, въ чинѣ поручика, находился при главнокомандующемъ, князѣ Александрѣ Михайловичѣ Голицынѣ, для курьерскихъ посылокъ. Въ помянутомъ аттестатѣ на вопросъ: „Гдѣ былъ въ походѣ и у дѣлъ противъ непріятеля", отмѣчено: „Въ 1759 году въ Помераніи, Бранденбургіи, Швеціи и Саксоніи, а на баталіи не бывалъ". (Слѣдовательно извѣстіе, что онъ участвовалъ и въ турецкомъ походѣ, оказывается невѣрнымъ). Но военная служба, въ которой онъ пробылъ 12 лѣтъ, такъ же мало удовлетворяла его, какъ и прежнія занятія медицинскими науками, и впослѣдствіи онъ сравнивалъ военное поприще съ анатомическимъ театромъ, отъ котораго бѣжалъ. Вскорѣ мы видимъ его гиттенфервальтеромъ при горномъ училищѣ, только-что основанномъ въ началѣ 1770 годовъ, когда ему было съ небольшимъ 25 лѣтъ. Можно догадываться, что по происхожденію отца его изъ саксонскаго города Фрейберга, любовь къ минералогіи была наслѣдственною въ родѣ Хемницера. Управленіе горнымъ вѣдомствомъ было въ рукахъ Михаила Ѳедоровича Соймонова, сына столь извѣстнаго петровскаго адмирала и впослѣдствіи сибирскаго губернатора. Съ Соймоновымъ былъ въ родствѣ Н. А. Львовъ, который повидимому и участвовалъ въ перемѣнѣ службы Хемницера.

О новомъ его положеніи я тщетно надѣялся найти какія-либо данныя въ архивахъ горнаго департамента и горнаго института. Ни въ томъ, ни въ другомъ за это время не оказалось никакихъ свѣдѣній. Таково, къ прискорбію изслѣдователей, состояніе бо́льшей части нашихъ архивовъ. Изъ оффиціальныхъ документовъ мы знаемъ только, что горное училище возникло вслѣдствіе просьбы башкирскихъ рудопромышленниковъ учредить при бергъ-коллегіи заведеніе для воспитанія горнозаводчиковъ. Между тѣмъ, управленіе бергъ-коллегіею поручено было оберъ-прокурору сената Соймонову (который вслѣдъ затѣмъ назначенъ сенаторомъ), и по его-то плану въ 1773 г. основано было горное училище; онъ сдѣлался первымъ директоромъ новаго заведенія, помѣщавшагося въ зданіяхъ нынѣшняго горнаго института, купленныхъ у графа Шереметева. Этотъ Соймоновъ, Мих. Ѳед., ко-

тораго не надо смѣшивать съ двоюроднымъ братомъ его, Петромъ Александровичемъ, былъ впослѣдствіи главнымъ попечителемъ опекунскаго совѣта въ Москвѣ и умеръ тамъ въ 1804 году. Въ немъ Хемницеръ нашелъ не только добраго начальника, но и покровителя. Съ учрежденіемъ, въ 1774 году, ученаго собранія при училищѣ, въ числѣ членовъ этой коллегіи является и маркшейдеръ Хемницеръ. Черезъ два года Соймоновъ, для поправленія здоровья, предпринимаетъ путешествіе за границу и беретъ съ собою Хемницера. Они употребили болѣе года на посѣщеніе Германіи, Франціи и Голландіи. Съ ними вмѣстѣ отправился въ чужіе края и родственникъ Соймонова, Львовъ, который жилъ въ его домѣ, но въ городѣ Спа онъ отдѣлился отъ нихъ и уѣхалъ обратно въ Россію.

Имя Львова такъ тѣсно связано съ біографіею Хемницера, что мы должны остановиться на этомъ лицѣ. Хотя Львовъ и не пріобрѣлъ большой извѣстности какъ писатель, однакожъ онъ игралъ значительную роль въ тогдашней литературѣ, не только по своему положенію въ свѣтѣ, которое давало ему возможность поддерживать своихъ друзей-писателей, но и по вліянію на эстетическую сторону ихъ трудовъ.

Львовъ началъ свою службу очень скромно въ измайловскомъ полку, но, благодаря своимъ дарованіямъ и связямъ, онъ, по возвращеніи изъ-за границы, занялъ мало по-малу видное мѣсто въ иностранной коллегіи или, вѣрнѣе, въ почтовомъ управленіи, которое тогда входило въ составъ ея. Этимъ онъ обязанъ былъ сближенію съ Бакунинымъ, а потомъ и съ Безбородкой. Петръ Васильевичъ Бакунинъ пріобрѣлъ большой вѣсъ еще въ то время, когда дипломатическими дѣлами завѣдывалъ графъ Н. И. Панинъ, а вице-канцлеромъ былъ графъ Остерманъ, человѣкъ весьма честный, но безъ особеннаго вліянія. Бакунинъ пользовался расположеніемъ Панина, былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Потемкину и къ кабинетнымъ секретарямъ императрицы, снискалъ милость и довѣріе самой Екатерины II. Онъ былъ даровитъ, предпріимчивъ и трудолюбивъ; иностранные посольства наперерывъ старались привлечь его на свою сторону, но это посчастливилось особенно англичанину Гаррису (лорду Малмсбёри) *). Значеніе Бакунина еще усилилось при Безбородкѣ, у котораго онъ былъ правою рукою. Львовъ жилъ сперва у Бакунина, а потомъ, переселясь къ Безбородкѣ, сдѣлался у него домашнимъ человѣкомъ. Пламенный любитель всѣхъ отраслей искусства и знатокъ во многихъ

*) E. Herrmann: Gesch. d. russ. Staates. Ergänz. Band., стр. 612 (Донесеніе Сакена). Я. Г.

изъ нихъ,—поэтъ, живописецъ, архитекторъ, механикъ, а отчасти и музыкантъ, Львовъ, въ этотъ вѣкъ изысканной роскоши и прихоти, былъ человѣкомъ особенно сподручнымъ для вельможи, неистощимаго въ заботахъ о возможно великолѣпномъ устройствѣ своего дома. Въ тоже время Львовъ писалъ стихи, издавалъ лѣтописи и пѣсни, и принадлежалъ къ кругу лучшихъ литераторовъ того времени; сблизившись съ Капнистомъ, какъ кажется, еще въ измайловской школѣ, гдѣ оба они учились, онъ черезъ него сошелся съ Державинымъ, а чрезъ Державина съ сослуживцами его по сенату, Храповицкимъ и Ал. Сем. Хвостовымъ, который извѣстенъ своимъ сатирическимъ талантомъ. Въ этомъ даровитомъ кругу Львовъ былъ опять общимъ совѣтникомъ; друзья показывали ему свои новыя произведенія и прислушивались къ тонкимъ замѣчаніямъ русскаго Шапелля, какъ его иногда называли. Онъ выражалъ весьма своеобразные для того времени литературные взгляды, указывалъ на недостатки у Ломоносова, выше всего ставилъ простоту и естественность, понималъ уже цѣну народнаго языка и сказочныхъ преданій для поэзіи. Такое расположеніе должно было установить особенную симпатію между нимъ и Хемницеромъ; кажется, знакомство ихъ началось вскорѣ послѣ 1770 г., когда было напечатано первое извѣстное стихотвореніе Хемницера, весьма плохая ода на взятіе турецкой крѣпости Журжи. Въ 1774 г. онъ напечаталъ стихотворный переводъ героиды Дора „Письмо Барнвеля къ Труману изъ темницы“ *) и уже посвятилъ этотъ трудъ Львову, называя его „любезнымъ другомъ“. По возвращеніи изъ путешествія по Европѣ, Хемницеръ какъ-будто переродился, полюбилъ общество и съ новымъ жаромъ предался литературнымъ занятіямъ. Державинъ свидѣтельствуетъ, что ему отчасти онъ былъ обязанъ за разумные совѣты, благодаря которымъ могъ, около 1780 года, вступить на путь самостоятельнаго творчества. Все показываетъ какъ неутомимо Хемницеръ работалъ надъ самимъ собою. Участіе его въ трудахъ ученаго собранія при горномъ училищѣ не осталось безслѣднымъ. Въ 1778 году напечаталъ онъ свой переводъ или, по словамъ Львова, передѣлку минералогическаго сочиненія нашего академика Лемана подъ заглавіемъ: „Кобальтословіе или описаніе красильнаго кобальта“, а вслѣдъ затѣмъ появились переводные труды по той же наукѣ другихъ лицъ, предварительно просмотрѣнные и исправленные Хемницеромъ, который въ это время носилъ уже званіе оберъ-берг-

---

*) Библіографическая рѣдкость, которой не нашлось ни въ одной изъ петербургскихъ библіотекъ; Н. С. Тихонравовъ обязательно доставилъ мнѣ принадлежащій ему экземпляръ ея. Я. Г.

мейстера. Въ одной изъ названныхъ книгъ упомянуто о принадлежавшей ему коллекціи минераловъ.

Стараясь такимъ образомъ распространять въ Россіи горныя свѣдѣнія, ученое собраніе предприняло съ этою цѣлью и составленіе горнаго словаря. Къ этому-то труду относится черновая замѣтка Хемницера о необходимости перелагать иностранные научные термины на русскій языкъ, хотя бы новыя наименованія сначала и принимались неохотно. „Еслибы—говоритъ онъ—сіе несчастное предразсужденіе оставалось всегда господствующимъ, то никакой языкъ не былъ бы очищенъ и не дошелъ бы до совершенства. Русскій языкъ, надъ всѣми прочими языками возвышающійся своимъ основаніемъ, всѣ къ сооруженію превосходнѣйшаго зданія части содержитъ и требуетъ только, чтобы таковыя собрать, и тогда сооруженіе совершится такое, которое конечно красотою своею состязаться можетъ съ другими. Учрежденное при горномъ училищѣ собраніе, трудящееся о переложеніи иностранныхъ горныхъ названій на русскій языкъ, будетъ, если не производить новыя слова, то, по крайней мѣрѣ, пріискивать дѣйствительно пребывающія, но кои, по несчастію все еще будучи разсѣяны, странствуютъ въ неизвѣстности, собирать ихъ и ставить на мѣсто иностранныхъ“.

Но Хемницеръ, ни по своему воспитанію, ни по своимъ литературнымъ связямъ, ни, наконецъ, по роду своихъ способностей, не могъ ограничиться одною ученою дѣятельностью. Вскорѣ послѣ его минералогическаго труда появилось въ Петербургѣ первое собраніе его басенъ, небольшая книжка подъ заглавіемъ: „Басни и сказки NN“, безъ означенія года изданія. Одинъ изъ біографовъ его (Бантышъ-Каменскій) разсказываетъ, что, до напечатанія этихъ басенъ, Львовъ первый узналъ о нихъ и вмѣстѣ съ Капнистомъ долго уговаривалъ автора не скрывать отъ публики сочиненій, которыми онъ долженъ гордиться. Хемницеръ возражалъ, что слишкомъ явные въ нихъ намеки на современность могутъ повредить его службѣ и что надобно прежде многое передѣлать. Наконецъ однако-жъ онъ согласился и издалъ свои басни (какъ самъ онъ показываетъ, въ 1779 году) *), только не выставляя своего имени и взявъ съ друзей обѣщаніе не выдавать его.

Между тѣмъ, въ управленіи горнаго училища готовились перемѣны. Учрежденіемъ о губерніяхъ бергъ-коллегія должна была упраздниться, а училище поступить въ вѣдѣніе казенной палаты. Вѣроятно, пред-

---

*) А не въ 1778, какъ до сихъ поръ означалось во всѣхъ библіографическихъ указателяхъ. Я. Г.

стоявшія преобразованія и побудили Соймонова еще въ 1781 году отказаться, подъ предлогомъ болѣзни, отъ своей должности, а вслѣдъ за нимъ вышелъ въ отставку и Хемницеръ. Но не имѣя никакого состоянія, онъ вынужденъ былъ въ скоромъ времени искать новой службы. Есть довольно распространенное (со словъ Бантышъ-Каменскаго) преданіе, будто княгиня Дашкова доставила Хемницеру мѣсто генеральнаго консула въ Смирнѣ. Но для насъ теперь несомнѣнно, что онъ этимъ назначеніемъ обязанъ былъ Львову, которому очень легко было заинтересовать въ пользу его графа Безбородко.

Въ іюнѣ 1782 года Хемницеръ выѣхалъ изъ Петербурга и прожилъ года 1½ въ Смирнѣ, а въ мартѣ 1784 умеръ въ далекомъ азіатскомъ городѣ, жертвою унынія и тѣлесныхъ недуговъ. Объ этой послѣдней и самой печальной эпохѣ жизни бѣднаго писателя мы получаемъ теперь самыя обстоятельныя свѣдѣнія, благодаря сохранившемуся собранію писемъ его къ Львову, писанныхъ частью съ дороги, частью изъ самой Смирны. Въ нихъ веселость непринужденной пріятельской бесѣды часто смѣняется тяжелою грустью при обращеніи мыслей къ новому уединенному положенію на чужбинѣ. Считаю не безынтереснымъ остановиться на этихъ письмахъ.

Чтобы вполнѣ понять содержаніе ихъ, необходимо напередъ точнѣе обозначить отношенія между обоими переписывавшимися. Почти въ каждомъ письмѣ Хемницеръ съ особенною нѣжностью говоритъ о какомъ-то не называемомъ имъ другѣ Львова. Онъ посылаетъ этому лицу поклоны, ждетъ отъ него отвѣтовъ, получаетъ подарки. Въ позднѣйшихъ письмахъ становится яснымъ, что этотъ другъ—женщина. Кто же именно? Это была та самая Марья Алексѣевна Дьякова, которой Хемницеръ посвятилъ свои басни и которая, по преданію, прочитавъ ихъ, замѣтила: „Природа разсказала, Хемницеръ написалъ".

На Вас. островѣ, въ 3-й линіи, жилъ въ своемъ домѣ сенатскій оберъ-прокуроръ Алексѣй Аѳанасьевичъ Дьяковъ. У него были три дочери-красавицы, которыя впослѣдствіи вышли замужъ за трехъ друзей-литераторовъ, Львова, Капниста и Державина. Старшая изъ нихъ, сдѣлавшаяся женою Капниста, воспитывалась въ Смольномъ монастырѣ; другія двѣ получили образованіе дома. Дьяковъ, по свойству съ Бакунинымъ, былъ вхожъ во многіе знатные дома и дочери его блистали на самыхъ аристократическихъ петербургскихъ вечерахъ, напримѣръ у Льва Александровича Нарышкина. Львовъ, познакомившись съ Дьяковыми, влюбился въ одну изъ сестеръ, Марью Алексѣевну, и около 1780 г. обвѣнчался съ нею тайно, противъ воли своихъ и ея родителей. Тотчасъ послѣ свадьбы, молодая возвратилась въ отцовскій домъ, и бракъ ихъ долго оставался непризнаннымъ. Въ это время,

если вѣрить одному преданію, и Хемницеръ, не зная тайны своего друга, сдѣлалъ предложеніе Марьѣ Алексѣевнѣ. Несмотря на то, его отношенія къ обоимъ супругамъ остались самыя дружескія. Подъ конецъ переписки, не задолго передъ своею смертью, онъ радуется, узнавъ, что другъ Николая Александровича уже можетъ безъ страха подписываться Львовою.

Первое письмо Хемницера писано изъ Херсона, на пути въ Константинополь. Херсонъ былъ основанъ Потемкинымъ только за 3 года передъ тѣмъ, и нашъ путешественникъ не можетъ надивиться быстрому возрастанію и украшенію города. Здѣсь онъ принужденъ былъ пробыть болѣе двухъ недѣль, въ ожиданіи яхты, назначенной для доставленія его въ Константинополь, той самой, которая не задолго до того отвозила туда и новаго русскаго посланника, Булгакова. Съ грустью и тягостными предчувствіями сѣлъ на нее литераторъ-консулъ. „Представляю себѣ, пишетъ онъ, что скоро не увижу я берега моего отечества, — и всѣхъ тѣхъ, которые мнѣ жизнь пріятною дѣлали, долженъ буду воображать какъ будто не на одномъ уже мірѣ со мною". Въ Константинополѣ онъ нашелъ письмо отъ Львова, несказанно его обрадовавшее. Тяжелъ былъ переѣздъ изъ Херсона: „Мнѣ дало знать Черное море! Еще и теперь ноги насилу поддерживаютъ. Съ 21 іюля по 5 августа все качало, и послѣдніе соки изъ хрипучаго дерева выкачало". Къ Булгакову новый его подчиненный явился съ рекомендательнымъ письмомъ отъ Державина, который такъ отзывался о Хемницерѣ: „Хотя своими добродѣтелями и любезнымъ поведеніемъ онъ несумнѣнно пріобрѣтетъ благоволеніе и пріязнь вашу, но на первый однако случай, предваряя о его свойствахъ, скажу вамъ: Се истинный израиль, въ немъ же льсти нѣтъ".

Посланникъ принялъ Хемницера дружелюбно, перевелъ его съ яхты къ себѣ на житье и сказалъ, что „все, чего онъ ни пожелаетъ, къ его услугамъ". Въ Константинополѣ былъ тогда постъ рамазанъ, и надо было дождаться его окончанія, т.-е. прожить весь августъ, чтобы получить отъ Порты указъ о новоназначенномъ въ Смирну консулѣ.

Константинополь, своимъ мѣстоположеніемъ и южною природою, сильно поразилъ воображеніе впечатлительнаго Хемницера: „Каналъ цареградскій, восклицаетъ онъ: что это за видъ! Домъ Як. Ив. или лучше сказать садъ, что это за садъ! Считаютъ его первымъ здѣсь, гдѣ каждое мѣсто первымъ почесться можетъ". Большая часть слѣдующаго письма наполнена описаніемъ турецкой столицы; нашъ путешественникъ поѣхалъ осматривать ее вечеромъ, чтобы увидѣть хваленое освѣщеніе по случаю рамазана. Онъ отправился изъ Буюкъдере водой съ двумя спутниками, знавшими турецкій языкъ. Азіат-

ская иллюминація показалась однако-жъ очень бѣдною петербургскому жителю временъ Екатерины. Въ 10-мъ часу вечера они высадились на берегъ и зашли въ кофейню, гдѣ очутились посреди многочисленной толпы турокъ, потому что весь день, отъ восхода до заката солнца, магометане въ рамазанъ не пьютъ и не ѣдятъ. На другой день онъ осматривалъ, между прочимъ, Софійскую церковь. Описывая достопримѣчательности города и его страшную нечистоту, Хемницеръ замѣчаетъ, что, ходя по Константинополю цѣлый день, онъ былъ болѣе всего пораженъ, когда двое турокъ, разсуждая о чемъ-то, отъ искренняго сердца разсмѣялись. „И вотъ, прибавляетъ онъ, первый смѣхъ или первая наружная веселость души, которую я, видѣвъ не одну тысячу людей, по лицу и по подобію такъ называемыхъ, встрѣтить случай имѣлъ". Здѣсь, какъ уже и въ Херсонѣ, Хемницера сильно тревожили двѣ заботы: съ одной стороны, онъ, по разсказамъ о Смирнѣ, убѣдился, что ему тамъ придется играть роль высшаго дипломатическаго чиновника, къ которой онъ ни по своимъ привычкамъ, ни по характеру не чувствовалъ ни малѣйшаго влеченія; съ другой стороны, вопросъ о размѣрѣ будущаго его содержанія еще не былъ рѣшенъ, и онъ не зналъ, отъ кого будетъ получать свое жалованье. „Всѣ говорятъ, замѣчаетъ онъ, что мѣсто прекрасное, только всѣ говорятъ также, что моего званія люди живутъ совершенно на ногѣ цареградскихъ министровъ, если не пышнѣе. Признаюсь тебѣ, что это мнѣ мало покою даетъ... Знаешь ли ты, что я уже самъ примѣчаю, что я на себя не похожу... нѣтъ, ужъ не написалъ бы ты такого письма, въ которомъ бы ты меня небеснымъ Иваномъ назвалъ".... О своемъ матеріальномъ положеніи въ Смирнѣ надѣялся онъ узнать отъ Булгакова; но посолъ отозвался, что жалованья дать ему не можетъ, и что оно будетъ идти чрезъ генералъ-прокурора князя Вяземскаго. „Неужели его сіятельство не соблаговолитъ мнѣ его доставлять безъ всякаго моего претерпѣнія?.. я право думалъ, что корпусъ дипломатическій отъ своего алтаря питается".

Наконецъ, 20 сентября 1782 года, Хемницеръ пріѣхалъ въ Смирну. По тогдашнему значенію Россіи, возвеличенной недавними побѣдами и миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи, прибытіе русскаго консула было здѣсь событіемъ. Когда онъ въ первый разъ съѣхалъ съ яхты, вся набережная была покрыта народомъ, собравшимся смотрѣть его. „Согрѣшилъ я тутъ, пишетъ онъ, что вспомнилъ о собственныхъ стихахъ:

«По улицамъ смотрѣть зеленаго осла
Кипитъ народу безъ числа».

„Мой пріѣздъ сюда всю тревогу здѣшняго народа о предстоящей, по мнѣнію ихъ, войнѣ въ ничто обратилъ, и сколько до меня слухи до-

ходятъ, то и прочіе консулы будто бы подъ моею подпорою жить здѣсь нынѣ думаютъ надежнѣе. Какова Россія!" Въ другой разъ такъ охарактеризовано политическое величіе Екатерининской монархіи: „Многіе въ нашемъ отечествѣ живучи, не чувствуютъ своего блаженства столько, сколько чувствовать должны. Здѣсь-то прямо видѣть можно, что́ мы есть, видя зависть, кипящую безпрестанно въ толпѣ иноплеменныхъ".

Скоро мы видимъ его посреди должностныхъ занятій. „Консульскія (дѣла), разсказываетъ онъ, по маленьку идутъ, да идутъ: книги заведены, проѣзжащія и отъѣзжащія суда съ ихъ экипажами и манифестами вписываются безъ запущенія... Ссоры да споры судимы и разрѣшаемы безъ волокитства" и проч. Съ хлопотами по должности являются уже и непріятности и затрудненія, неизбѣжныя при разноплеменномъ и разнохарактерномъ населеніи края. „Издавна, пишетъ онъ, водворилось здѣсь своевольство всякой такой сволочи" (т. е. безпаспортныхъ матросовъ), „чему больше всего виною здѣшнихъ судей правосудіе, состоящее въ удовлетвореніи, смотря по деньгамъ, и потому почти всякій день франки рѣжутъ турокъ, а турки—франковъ, а иногда и франки между собой рѣжутся, и всѣ откупаются, кто можетъ и хочетъ". Или въ другомъ письмѣ: „Передъ моимъ сюда пріѣздомъ рагузейцы съ славянами перерѣзались: мщеніе за мщеніе, и наконецъ, сдѣлавшись война общею, славяне всѣ бросились-было къ рагузейскому консулу, въ домъ, который, по счастью, успѣлъ спастись въ домѣ голландскаго консула, гдѣ высидѣлъ 2 недѣли карантину, пока все утихло, а то быть на ножахъ. Между моими такой генеральной баталіи кажется быть не уповательно: приказаніе дано строгое навсегда къ предупрежденію подобнаго". По поводу одного разбоя, въ которомъ участвовалъ русскій подданный, Хемницеръ принялъ законныя мѣры взысканія; но между тѣмъ, русскаго безъ суда повѣсили, а прочіе трое, венеціанцы, по взятіи съ нихъ выкупа, были освобождены. Нашъ консулъ немедленно донесъ о такомъ беззаконіи министерству. Онъ является энергическимъ заступникомъ русскихъ интересовъ, отвращаетъ всякія несправедливости въ отношеніи къ православнымъ, заботится о построеніи греческой и русской церкви. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ онъ пишетъ, что сначала турки пробовали поступать съ нимъ такъ-же нагло, какъ съ другими консулами, и хотѣли „сдѣлать его оброчнымъ крестьяниномъ", но это имъ не удалось. „Теперь, прибавляетъ онъ, мой кади другимъ тономъ говоритъ. Когда нашего матроса вѣшать сбирался, говорилъ драгоманамъ: приходите сюда съ карманами, набитыми венеціанскими цекинами; а теперь своимъ туркамъ говоритъ: читайте указы, отъ порты посланные о рус-

скихъ, и у васъ сердце выскочитъ. Нѣтъ, послѣ принужденія заставить ихъ подписать миръ на барабанѣ, не кстати было-бы умаливать ихъ... Теперь только и твердятъ, что Московъ, т. е. русскихъ, трогать не надобно... Такимъ образомъ имя россійское защитою служитъ теперь и прочимъ". Кади, желая задобрить строгаго консула, прислалъ ему въ подарокъ ковры и платки, вышитые женщинами, но получилъ ихъ обратно съ благодарностью, какъ бы за доставленіе случая подивиться прекрасной работѣ.

Читая въ письмахъ Хемницера эти извѣстія о его дѣятельности въ Смирнѣ, мы не узнаемъ того простодушнаго и разсѣяннаго человѣка, какимъ его описываютъ намъ во время петербургской его жизни и заграничнаго путешествія. Такъ Львовъ разсказываетъ, что во время представленія Вольтерова „Танкреда" въ Парижѣ, когда на сцену вышелъ знаменитый актеръ Лекенъ (Lekain), Хемницеръ, сидя въ партерѣ, до того забылся, что всталъ и низко поклонился, чѣмъ обратилъ на себя вниманіе всего театра. „Высокій ростъ его, замѣчаетъ при этомъ Львовъ, мнѣ никогда не былъ такъ примѣтенъ". На счетъ его наружности прибавлю, что, по семейному преданію Львовыхъ, онъ былъ очень дуренъ собою; въ доказательство тому служитъ сохранившійся у В. Н. Воейковой (дочери Львова) изящный пюпитръ, на которомъ означенъ 1776 годъ, съ силуэтомъ Хемницера; передъ изображеніемъ пирамиды представлена группа амуровъ; двое изъ нихъ, держа въ рукахъ силуэтъ, подаютъ его другимъ, а эти, увидѣвъ образину, падаютъ отъ испуга.

Тонъ смирнскихъ писемъ показываетъ совершенную непринужденность въ сношеніяхъ обоихъ друзей: видно, что между ними смѣхъ, шутки, остроты были дѣломъ обыкновеннымъ. Иногда пріятели побуждаютъ другъ друга къ добру и благоразумію. Желаніе видѣть Львова всегда тѣмъ же заставляетъ Хемницера однажды сказать: „объ одномъ тебя прошу: Бога ради не теряй, если когда и въ высшемъ степени министра будешь, ту привѣтливость и развязность души, которую ты имѣешь. Тебѣ сказывать нечего, сколь полезно это для себя, а для людей пріятно. Куда какъ скверно быть букою!" Хемницеръ благодаритъ Львова за доставленіе его басенъ въ парижскую королевскую библіотеку и за присылку медали на открытіе памятника Петру Великому. Вообще Львовъ является добрымъ геніемъ скромнаго баснописца, и въ письмахъ послѣдняго постоянно звучитъ струна чистосердечной и почтительной благодарности къ болѣе вліятельному, хотя и младшему другу. Его посредству Хемницеръ былъ обязанъ и вниманіемъ обоихъ высшихъ представителей министерства иностранныхъ дѣлъ; не разъ онъ радуется извѣстію, что донесенія и письма

его приняты благосклонно Безбородкой и Бакунинымъ. Львовъ однажды спрашивалъ его, зачѣмъ онъ въ письмахъ къ гр. Воронцову и къ другимъ высокопоставленнымъ лицамъ иногда не позволитъ себѣ одной изъ тѣхъ забавныхъ шутокъ, въ которыхъ онъ считался мастеромъ. „Другъ мой, отвѣчалъ Хемницеръ: ты знаешь, что я только Я съ друзьями быть могу; а гдѣ не друзья мои, тамъ ужъ отъ меня толку не жди: гдѣ каждое слово на вѣски класть надобно, тутъ, самъ ты знаешь, шутить неловко: да ничего и на умъ не припадетъ". Въ другомъ письмѣ онъ такъ обрисовываетъ ту же сторону характера своего: „Несчастіе мое (если это несчастіемъ назвать можно), что я податься на знакомства никакъ не могу, если поводовъ къ заключенію дружбы не предвижу. А здѣсь (т.-е. въ Смирнѣ) головы, сердца и души—что говорить!"

Въ отношеніи къ различнымъ народностямъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло въ Смирнѣ, онъ отдаетъ рѣшительное предпочтеніе туркамъ передъ греками и армянами: „Турокъ, по крайней мѣрѣ, что сказалъ, то и сдѣлалъ, разумѣется турокъ не франкизованный. Греки же сегодня придутъ тебѣ сказать то, а завтра другое: только безпрестанныя попытки, не удастся ли обмануть: когда увидятъ, что нѣтъ, ничего и не дѣлаютъ. Словомъ тебѣ сказать, что каждое ихъ дыханіе обманъ и весь воздухъ зараженъ обманомъ". Съ такимъ же презрѣніемъ отзывается онъ о французахъ, которые въ Средиземномъ морѣ старались переманивать русскихъ матросовъ на свои суда. Неблагопріятное мнѣніе о французахъ не мѣшало однакожъ Хемницеру любить ихъ языкъ, который онъ кажется усвоилъ себѣ самоучкою, такъ же, какъ и итальянскій: на томъ и на другомъ въ письмахъ его попадаются цѣлыя тирады, написанныя довольно правильно, и въ одномъ мѣстѣ онъ выражаетъ свою радость, что путешествіе доставляетъ ему случай усовершенствоваться въ итальянскомъ языкѣ.

Между тѣмъ, житье въ Смирнѣ становилось ему все болѣе и болѣе невыносимо. Одиночество страшно тяготило его и онъ часто вспоминалъ, что̀ писалъ ему Капнистъ, узнавъ о его намѣреніи ѣхать въ Смирну: „Да подумалъ ли ты хорошенько, что ты сдѣлалъ! Да ты-таки безъ друзей тамъ съ ума сойдешь!" Нельзя безъ грустнаго чувства читать жалобъ Хемницера на свое положеніе: „Надобно вообразить, говоритъ онъ, каково скрыть въ себѣ самомъ все что думаешь: одинъ дома, одинъ внѣ дома, одинъ вездѣ". Въ началѣ слѣдующаго года онъ пишетъ опять: „представь... когда изъ христіанской, т. е. нравственной земли, оставя друзей, родныхъ, отечество, вдругъ увидитъ себя человѣкъ посреди неизвѣстной ему земли, обитаемой, гово-

рятъ людьми, которыхъ не находитъ, одинъ безъ друга, безъ родного. Долженъ вступить въ новую и никогда ему извѣстной не бывшую перспективу должности и дѣлъ. Скажешь не разъ: гдѣ я? что я? скажите мнѣ, кто-нибудь! никто ни отвѣчаетъ. А если какой-нибудь голосъ гдѣ и отдастся, такъ этотъ голосъ такой, отъ котораго больше съ дороги сбиться, нежели настоящій путь свой продолжать можно. Снести боль, когда она есть, не охнувъ ни разу, кажется, и ты не потребуешь, даромъ что ты на бумагѣ превеликій моралистъ-стоикъ".

Послѣднее письмо писано Хемницеромъ 29 февраля, ровно за три недѣли передъ смертью его. Разсказывая о вынесенной имъ тяжкой болѣзни, онъ сознается, что жизнь смирнская ему не въ „сутерпъ" (не въ терпежъ) и что „кромѣ отечества и самаго Петербурга, для него нѣтъ спасенія. Представь себѣ, прибавляетъ онъ, только это одно положеніе для человѣка, который чувствуетъ и можетъ быть больше нежели бы хотѣлъ, что бы его безпрестаннымъ сего рода огнемъ не сожигало: проглотить все то, чего бы, въ разсужденіи нынѣшнихъ для Россіи радостныхъ дней, русской же душѣ сообщено было и каждый бы разъ новое въ твоей душѣ восхищеніе произвело и ее бы радовало, вмѣсто того зри и виждь: вотъ зміи шипящіе, а ты молчи: глотай, все глотай"...

Наконецъ онъ мечтаетъ объ отставкѣ, о пенсіи: „Вотъ тебѣ, другъ мой, что на душѣ у меня. Теперь потяну еще, пока сможется. Хлѣбъ мой насущный, я знаю, будетъ очень маленькими ломтями рѣзанъ, да была бы только душа сытѣе. Ну, полно. Прости".

Таковы были послѣднія слова, посланныя имъ другу изъ добровольнаго, далекаго изгнанія: онъ умеръ 20 марта 1784 года.

Въ его ранней кончинѣ мы видимъ печальный примѣръ суетности человѣческихъ разсчетовъ: онъ оставлялъ Россію съ мыслію обезпечить себѣ честнымъ образомъ безбѣдное состояніе. Онъ мечталъ, какъ будетъ употреблять нажитыя деньги на пользу общества, и такъ говорилъ: „если кто-нибудь захочетъ подрядить Хвостова*) писать пасквили на хорошихъ писателей, напр. на фонъ-Визина, я заплачу ему вдвое, чтобъ онъ этого не дѣлалъ".

Замѣтка такого содержанія написана Хемницеромъ сперва по-французски, а потомъ переложена въ русскіе стихи. Довольно многочисленные автографы его представляютъ любопытное дополненіе къ его баснямъ. Мы можемъ прослѣдить здѣсь процессъ ихъ сочиненія. У Хем-

---

*) Александра Семеновича, написавшаго извѣстное «Посланіе творцу посланія» (фонъ-Визину). См. въ книгѣ князя Вяземскаго «фонъ-Визинъ», приложенія, стр. 330. Я. Г.

ницера водились записныя тетрадки, куда онъ постепенно вносилъ зараждавшіеся у него планы басенъ, излагая ихъ сначала прозою въ самой краткой формѣ. Многіе изъ такихъ плановъ впослѣдствіи имъ выполнены, другіе остались только въ первоначальномъ видѣ. Далѣе онъ записывалъ то въ прозѣ, то въ стихахъ являвшіяся ему отдѣльныя мысли, отмѣчая при нихъ, что онѣ могутъ пригодиться для такой-то басни или сатиры. Иногда записывались мысли практическаго значенія, напр. слѣдующее:

„Главное правило въ сочиненіи. Нужнѣй всего, чтобы прежде нежели писать о чемъ-нибудь начнешь, расположеніе твое сдѣлано было хорошее. Расположеніе въ сочиненіи подобно первому начертанію живописной картины: если первое начертаніе лица дурно, то сколько бы живописецъ послѣ чертъ хорошихъ ни положилъ, лицо все будетъ не то, которому быть должно: стихи или частныя мысли сами собою сколь прекрасны ни будь, при худомъ расположеніи все будутъ дурны“.

Кромѣ указанныхъ уже стиховъ, противъ Алекс. Хвостова направлено нѣсколько рукописныхъ эпиграммъ Хемницера, обвиняющихъ его въ двоедушіи и въ томъ, что онъ сталъ бранить стихи Львова, когда не имѣлъ въ немъ болѣе надобности. Предметъ насмѣшекъ составляетъ также другой плохой писатель, Рубанъ, прославившійся своими стихами на памятникъ Петру Великому. Есть и другія эпиграммы, въ которыхъ мишенью служатъ особенно корыстолюбіе и взяточничество.

Изъ остальныхъ ненапечатанныхъ опытовъ Хемницера въ стихахъ нельзя умолчать о двухъ довольно обширныхъ сатирахъ, написанныхъ на худыхъ судей и на подьячихъ, предметъ, доставлявшій, какъ извѣстно, содержаніе для многихъ тогдашнихъ комедій и сатиръ между прочимъ Сумарокову. Сатиры Хемницера, къ сожалѣнію, вовсе не отдѣланы; это не болѣе какъ черновыя редакціи, любопытныя тѣмъ, что знакомятъ насъ съ пріемами его при сочиненіи стиховъ. Къ тому же предмету, т.-е. къ нападкамъ на судей, относится одна изъ неизданныхъ басенъ его, или притча, которая по краткости своей можетъ быть здѣсь приведена какъ образчикъ:

Она озаглавлена Добрый Царь, и намекаетъ на учрежденія Екатерины II:

«Какой-то царь, принявъ правленье,
Съ нимъ принялъ также попеченье
Счастливымъ сдѣлать свой народъ,
И первый шагъ его былъ тотъ,
Что сдѣлалъ новый онъ законъ и учрежденье,
Законамъ старымъ въ поправленье;

А чтобъ законъ исполненъ былъ,
То старыхъ и судей онъ новыми смѣнилъ.
Законы новые народу даны были,
И перемѣна вся была бы хороша;
Но скоро новые по старому судили,
Понеже старая въ судьяхъ была душа;
А это зло тотчасъ поправить
Царь способу не находилъ,
Но долженъ былъ
То воспитанію и времени оставить».

Большая часть автографовъ Хемницера относятся къ баснямъ его. Вопросъ, почему онъ посвятилъ себя преимущественно баснѣ, разрѣшается очень просто, съ одной стороны, характеромъ его ума, наблюдательнаго, обогащеннаго опытами жизни, склоннаго къ положительнымъ выводамъ; а съ другой тѣмъ, что именно въ то время басня раздѣляла съ одой владычество въ мірѣ поэзіи: благодаря блестящему успѣху Лафонтена и своей обманчивой легкости, басня пустила корни во всѣхъ европейскихъ литературахъ. Впрочемъ, Хемницеръ сперва заплатилъ дань лирическому увлеченію эпохи, и въ то самое время, когда его ровесникъ Державинъ еще только настраивалъ свою громозвучную лиру, въ 1770 году, Хемницеръ напечаталъ оду на побѣду надъ турками при Журжѣ, слабое подражаніе Ломоносову, любопытное по недостаткамъ языка, надъ трудностями котораго авторъ впослѣдствіи такъ мастерски восторжествовалъ. Это тѣмъ болѣе удивительно въ Хемницерѣ, что онъ въ семействѣ своемъ съ дѣтства могъ слышать только нѣмецкій языкъ. Между тѣмъ одно изъ главныхъ достоинствъ его басенъ составляетъ именно языкъ, поразительный по своей чистотѣ и народному складу. Нѣтъ сомнѣнія, что въ этомъ отношеніи военная служба Хемницера, сблизившая его съ народомъ, а потомъ общество литераторовъ, друзей его, имѣли рѣшительное на него вліяніе. Очарованный образцами художественной басни у Лафонтена и Геллерта, онъ первый въ русской литературѣ понялъ, какое существенное значеніе въ этомъ родѣ поэзіи принадлежитъ простотѣ и естественности разсказа. Надобно вспомнить, что онъ съ своими баснями въ первый разъ (1779 г.) выступилъ за цѣлое десятилѣтіе до извѣстности Карамзина и когда еще не было ни Душеньки Богдановича, ни Недоросля фонъ-Визина. Было бы слишкомъ много требовать, чтобы Хемницеръ, побѣдивъ трудности языка, въ то же время достигъ совершенства въ механизмѣ стиха. По крайней мѣрѣ, въ отношеніи къ риѳмѣ онъ облегчилъ себѣ трудъ стихосложенія тѣмъ, что большую часть стиховъ заканчивалъ глаголами. За то у него нигдѣ не видно ни малѣйшей натяжки: теченіе рѣчи совершенно

естественно; стихъ ложится подъ перомъ его непринужденно, не подвергаясь искусственной передѣлкѣ. Однообразіе наглагольныхъ риѳмъ, вотъ главный упрекъ, какого заслуживаетъ Хемницеръ со стороны стихотворной формы. Но онъ уже понимаетъ важность народности, и не только выражается народнымъ языкомъ, но любитъ употреблять поговорки и пословицы.

Надобно согласиться, что въ отношеніи къ народности Хемницеръ не могъ остаться безъ вліянія на Крылова, который уже нашелъ у него готовый, хотя еще и несовершенный типъ настоящей русской басни, нашелъ отдѣльныя черты того, чему самъ умѣлъ впослѣдствіи дать такое полное развитіе. Отсюда понятно, почему лѣтъ 30 тому назадъ басни Хемницера попали въ число книгъ, развозимыхъ по ярмаркамъ, и сдѣлались предметомъ спекуляціи для досужихъ издателей.

Что касается до содержанія басенъ Хемницера, то прежде всего надобно раздѣлить ихъ на переводныя и оригинальныя. Изъ 91 басни его 5 басенъ переведено имъ изъ Лафонтена, 18 изъ Геллерта, и по одной изъ Вольтера, Дора́ и Ножана, всего 26, положимъ даже около 30 басенъ переводныхъ. Остальныя 60, слѣдовательно $^2/_3$ всего количества, оригинальныя. Переводы его вообще довольно близки къ подлинникамъ: правда, онъ не всегда дорожитъ подробностями, жертвуя ими для чистоты рѣчи и легкости стиха; но въ общемъ ходѣ разсказа онъ строго держится подлинника. Въ оригинальныхъ басняхъ Хемницера есть конечно много соотношеній съ современностью; но если уже и въ басняхъ Крылова часто потерянъ ключъ для разъясненія связи ихъ съ дѣйствительностью, то тѣмъ менѣе возможно разгадать тайный смыслъ Хемницеровыхъ. Мѣстами однакожъ можно подмѣтить и въ нихъ намеки на современныя обстоятельства и лица. Такъ въ притчѣ Лжецъ говорится:

«Въ то время самое, какъ опыты здѣсь были,
Что могутъ ли въ огнѣ алмазы устоять,
Въ бесѣдѣ нѣкакой объ этомъ говорили».

Эти слова относятся вѣроятно къ пребыванію въ Петербургѣ Каліостро въ 1779 г.*), незадолго до изданія 1-й книги басенъ Хемницера. Таковъ же смыслъ заключенія басни Хитрецъ, переведенной изъ Геллерта:

Вотъ я у насъ такого зналъ,
Который о себѣ въ народѣ насказалъ,
Что можетъ видѣться съ духами,
Всѣмъ ихъ показывать и съ ними говорить,

*) Замѣчаніе М. Н. Лонгинова.

Болѣзни всѣ лѣчить
Одними порошками.
И собирались тожъ къ нему смотрѣть духовъ,
И порошки его въ болѣзняхъ принимали;
Однакоже духовъ, какъ слышно, не видали,
А отъ чудесныхъ порошковъ
Скорѣе нежели отъ прочихъ умирали.

Въ концѣ басенъ Хемницера, начиная съ самаго перваго ихъ изданія, печатались двѣ подъ общимъ заглавіемъ „Чужія басни". Всѣ повѣрили, что онѣ написаны не имъ, а одинъ изъ позднѣйшихъ издателей, Сахаровъ, даже исключилъ ихъ поэтому изъ собранія басенъ Хемницера. Мы напротивъ убѣждены, что онѣ названы чужими только потому, что ихъ примѣненіе было слишкомъ ясно для современниковъ и что авторъ хотѣлъ отклонить отъ себя всякую въ томъ отвѣтственность. Въ первоначальномъ изданіи онѣ показаны „чужими" только въ оглавленіи, а не въ текстѣ, да и по своему складу и языку обѣ ничѣмъ не отличаются отъ остальныхъ басенъ собранія. Смыслъ одной изъ этихъ „чужихъ" басенъ не подлежитъ сомнѣнію: подъ мартышкою, обойденною при производствѣ, и оберъ-шутомъ, упомянутымъ въ послѣднемъ стихѣ, надобно разумѣть Л. А. Нарышкина. Не такъ ясенъ смыслъ, скрывающійся въ другой баснѣ: „Львиный указъ," заимствованной изъ Лафонтена и разсказывающей про зайца, который, при ссылкѣ всѣхъ рогатыхъ изъ львинаго царства, счелъ нужнымъ также удалиться, опасаясь чтобы его ушей не приняли за рога. Въ числѣ остальныхъ басенъ есть нѣсколько такихъ, въ которыхъ замѣтна полемическая подкладка: такова особенно басня Черви, направленная противъ плохихъ писателей, раздраженныхъ извѣстною сатирою Капниста и вооружившихся противъ него за это нападеніе.

Прекраснымъ садомъ кто-то шелъ,
И въ немъ гнѣздо червей нашелъ;
А черви гадина такая,
Въ саду, какъ язва моровая.
Какъ недруговъ такихъ
Найти и не напасть на нихъ?
Не вытерпишь никакъ, чтобъ саду не вредили.
И тотъ, кто по саду ходилъ,
Взявъ палку, ихъ гнѣздо разрылъ.
Лишь только ихъ разворошили,
Всей кучею они на палку поползли,
Какъ будто бы войной противъ нея пошли.
На палку куча наступала,
А палка между тѣмъ все кучу разрывала.
Сатирой тронь дурныхъ писцовъ,
Не оберешься бранныхъ словъ.

Въ подтвержденіе нашей мысли служитъ то, что эта басня первоначально была напечатана въ „С.-Петербургскомъ Вѣстникѣ“ 1780 года (сент.), гдѣ, нѣсколько ранѣе, появилась и сатира Капниста. Неудивительно, что выраженныя въ этой послѣдней мысли иногда отражаются въ басняхъ Хемницера. Капнистъ говоритъ напримѣръ:

... «тотъ честенъ, такъ глупецъ;
Другой уменъ, такъ глупъ, ханжа, обманщикъ, льстецъ».

или:

«Но сколько тягостно быть честнымъ, каждый знаетъ».

Эта мысль послужила Хемницеру темой для двухъ басенъ. Вотъ одна изъ нихъ, озаглавленная „Гадатель“:

«Дѣтина молодой хотѣлъ узнать впередъ,
Счастливо-ль онъ иль нѣтъ
На свѣтѣ проживетъ,
О чемъ не рѣдко размышляетъ
И любопытствуетъ узнать.
И для того велѣлъ гадателя призвать,
И что съ нимъ сбудется? его онъ вопрошаетъ.
Гадатель былъ старикъ, людей и свѣтъ онъ зналъ.
Дѣтинѣ этому печально отвѣчалъ:
«Ты къ счастью, кажется, на свѣтѣ не рожденъ:
Ты честенъ и уменъ».

Но большая часть мыслей, положенныхъ въ основу басенъ Хемницера, несомнѣнно выработаны имъ самостоятельно, среди тяжкихъ опытовъ жизни, доставившихъ ему глубокое пониманіе людей и свѣта. Подъ самой простой, невидной оболочкой мы иногда встрѣчаемъ у него важныя истины, относящіяся не только къ судьбѣ частнаго человѣка, но и къ общественному или государственному быту. Таковы басни: „Привязанная собака“, „Волчье разсужденье“, „Лѣстница“, Лѣнивые и ретивые кони“.

Современники оцѣнили талантъ Хемницера. Изъ рукописныхъ замѣтокъ его мы узнаёмъ, что уже и 1-е изданіе его басенъ, напечатанное безъ имени автора, нашло въ публикѣ хорошій пріемъ. Это подтверждается и тѣмъ, что уже черезъ три года понадобилось 2-е ихъ изданіе; оно было умножено цѣлою книгою новыхъ басенъ, которыя онъ едвали бы написалъ, еслибъ не встрѣтилъ одобренія въ обществѣ. Послѣ смерти Хемницера, въ бумагахъ его нашлось еще собраніе неизданныхъ басенъ; вмѣстѣ съ прежними онѣ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ, были роскошно напечатаны въ 1799 г. по распоряженію друзей его. Изданіе это украшено виньетами работы Оленина и силуэтомъ автора, вѣроятно сдѣланнымъ первою женой Державина. Въ нынѣшнемъ столѣтіи, особенно въ 1830-хъ и 40-хъ годахъ, изданія басенъ Хемницера быстро слѣдовали одно за другимъ.

Но въ 50-хъ годахъ они мало по-малу прекращаются, и нынѣ мы тщетно стали бы искать его басенъ въ книжной торговлѣ. Отдѣленіе русскаго языка и словесности намѣрено восполнить этотъ недостатокъ новымъ изданіемъ ихъ съ извлеченіями изъ находящихся въ нашемъ распоряженіи рукописей. Хемницеръ достоинъ жить въ памяти потомства уже и однѣми своими баснями; но мы позволяемъ себѣ думать, что онъ пріобрѣтаетъ на это еще болѣе права теперь, когда образъ его, какъ человѣка и писателя, яснѣе и полнѣе прежняго возстановляется передъ нами изъ подлинныхъ его бумагъ и загробной переписки. Онъ является тутъ лицомъ замѣчательнымъ и по необыкновеннымъ обстоятельствамъ своей жизни, и по высокой человѣчности, и по горячей любви къ Россіи. Все это въ немъ тѣмъ поразительнѣе, что при полученномъ имъ въ молодости недостаточномъ воспитаніи онъ позднѣйшимъ развитіемъ своимъ былъ обязанъ, какъ и многіе знаменитые дѣятели той эпохи, самому себѣ. Съ оттѣнкомъ спеціальнаго образованія Хемницеръ, въ тѣ годы, когда другіе лишь начинаютъ учиться, поступаетъ въ армію рядовымъ и отправляется въ походъ за границу; послѣ того, 30-ти лѣтъ отъ роду, онъ вдругъ становится ученымъ дѣятелемъ горнаго вѣдомства и издателемъ минералогическихъ трудовъ. Затѣмъ, напечатавъ собраніе басенъ, онъ печально умираетъ въ другой части свѣта, но оставляетъ по себѣ почетное имя въ исторіи русской литературы. Ясно сознавая глубокія язвы современнаго общества, онъ обличаетъ ихъ мѣткимъ, хотя и аллегорическимъ словомъ; но ни это горькое сознаніе, ни иностранное происхожденіе не мѣшаютъ ему быть преданнымъ и благодарнымъ сыномъ своего отечества. Можно по всей справедливости назвать Хемницера однимъ изъ самыхъ просвѣщенныхъ писателей Екатерининскаго вѣка. Къ чести его повторимъ эпитафію, написанную имъ самому себѣ:

«Жилъ честно, цѣлый вѣкъ трудился
И умеръ голъ, какъ голъ родился».

Я. К. Гротъ.

